

Геннадий Ростовский

Были и небылицы полигона

18+

Геннадий Ростовский
Были и небылицы полигона

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ростовский Г.

Были и небылицы полигона / Г. Ростовский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга, которая предлагается вниманию читателей, написана для тех, чья жизнь и судьба так или иначе связаны с нашей капустиноярской землёй, с нашим легендарным полигоном. Написана даже не столько мной, сколько многочисленным коллективом ветеранов-капьярцев. Их воспоминания, серьёзные (иногда даже трагические), поучительные, курьёзные и смешные эпизоды, случавшиеся во время полигонной службы, составляют её основное содержание.

Содержание

Предисловие	5
Из воспоминаний ветеранов ракетного полигона	6
В.	6
Наш 4-й ГЦП (1954-1981)	7
Ю. П. Толкачёв:	15
В. Т. Мальков:	21
А. Г. Гринь:	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Предисловие

Книга, которая предлагается вниманию читателей, написана мной для тех, чья жизнь и судьба так или иначе связаны с нашей капустиноярской землёй, с нашим легендарным полигоном. Написана даже не столько мной, сколько многочисленным коллективом ветеранов-капьярцев. Их воспоминания, серьёзные (иногда даже трагические), поучительные, курьёзные и смешные эпизоды, случавшиеся во время полигонной службы, составляют её основное содержание. Ко многим ветеранам я обращался лично с соответствующей просьбой и признателен за их отклик, за участие.

Жалею, что упущено время: надо было начать соответствующую подготовительную работу ещё с начала 70-ых годов прошлого века, когда сам начал службу в наших краях: людей уже нет и воспоминания канули в небытие вместе с ними...

Впрочем, в те времена всё, что связано с полигоном, было окружено густой завесой секретности, и распространяться о полигонной службе не рекомендовалось.

В этой книге также публикуются относительно давние статьи или отрывки из них, принадлежащие перу различных авторов, не утратившие интереса или актуальности и сегодня. И всякие байки-рассказы, фельетоны и юморные стишата на местные темы, которые назвать стопроцентными небылицами не могу. Потому что все они основываются на тех или иных реальных событиях, когда-то имевших место...

«Были и небылицы» – книга отнюдь не парадно-юбилейная. И по её прочтении у иных может сложиться впечатление, что все славные героические свершения полигона – далеко в прошлом. Нет, разумеется, это не так. Просто о делах и свершениях сегодняшних ещё не пришло время вести рассказ.

Из воспоминаний ветеранов ракетного полигона

В.

Н. Иванов:

Наш 4-й ГЦП (1954-1981)

На полигон в Капустин Яр я попал в 1954 году после окончания Артиллерийской инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского.

Нас встретили на полигоне хорошо. Разместили в общежитии по четыре человека на комнату. Под общежитие выделили новый жилой дом. Мы познакомились с военным городком. Он ещё не был окружен колючей проволокой. Закрытой территорией были лишь два здания штаба и полигонных служб. Располагались они в обычных двухэтажных домах. Специальное здание под штаб полигона ещё строилось.

То, что городок ещё не охранялся, позволяло порой видеть забавные картины. Можно было иногда наблюдать, как по площади перед строящимся зданием штаба медленно проезжала тележка с запряжённым в неё верблюдом. Тележкой управлял казах. Вскоре городок был закрыт, обнесён колючей проволокой, установлены контрольно-пропускные пункты. Дальше жизнь пошла за колючей проволокой. Приезд гостей был весьма ограничен. Только ближайшие родственники, которым надо было заранее заказывать пропуска.

Устроившись, мы прибыли на 2-ю площадку. Там располагалось 1-е Управление и инженерно-испытательная часть этого управления. Кто-то из нас попал инженером-испытателем в управление, кто-то начальниками отделений и расчётов в часть.

Начальник нашего отдела, инженер-полковник Носов (в последующем работал на полигоне Байконур и там погиб при известной катастрофе 24 октября 1960 года), предложил мне для начала заняться ведением бортового журнала на стартовой позиции. Объяснил, что это мне позволит быстро ознакомиться со всем комплексом работы по подготовке ракет к пуску. А на старте руководил работами зам. начальника 1-го отдела инженер-майор Меньшиков (потом он стал начальником отдела и был переведён на Байконур).

Однажды, когда я вёл бортовой журнал, Меньшиков дал команду найти в «банкобусе» (так мы называли помещение, где «банковали» – обсуждали результаты проверок специалистов) технического руководителя работ С. П. Королёва и дать ему на подпись бортовой журнал. И предупредить, что задержка с подписью вызовет задержку в работе. Я не знал, кто такой Королёв, как с ним надо обращаться. Прихожу в «банкобус», смотрю: три гражданских мужика о чём-то разговаривают (мне показалось, что травят анекдоты). Я спрашиваю: «Кто тут Королёв?» Один из них отмахивается от меня и говорит: «Подожди!» Я с возмущением заявил, что начальник отдела велел передать о возможной задержке с работой, если своевременно не будет подписан журнал. Наконец, один из них бросает мне: «Ну, молодой ещё, а берёшь за горло! Давай, подпишу!» Так я в первый раз в такой форме разговаривал с великим С. П. Королёвым.

А однажды нам, выпускникам спецнабора академии, было поручено начертить на географических картах зоны досягаемости нашими ракетами того времени. Предстоял показ ракетной техники членам правительства. Мы эту работу выполняли, расстелив большие карты на полу в одной из комнат МИКа площадки № 2. Вдруг вошёл к нам в комнату С. П. Королёв и спрашивает: что мы делаем? Мы объяснили. Королёв рассмеялся и говорит, что скоро такие карты не будут нужны – его новые ракеты достигнут любого места на земном шаре.

В те годы испытания ракет проводились только на полигоне Капустин Яр. Дальность полёта ракет (по современным понятиям) была весьма скромной. Но, очевидно, у Королёва уже шла разработка ракет на большие дальности, для которых пришлось создавать новый полигон. Как оказалось, это был Байконур.

Я с самого начала был передан под опеку инженер-майора Мухинского. О нём у меня сохранились самые лучшие воспоминания. Спокойный, невысокий, коренастый человек. Старый (но не годами) авиационный фронтальной техники. С техникой он всегда был на «ты».

У него были свои приёмы обучения и ввода в строй молодых специалистов. Поучаствовавши 3-4 раза со мной в испытаниях при подготовке ракет к пуску, он как-то заявил мне: «Считай, что меня сегодня нет, я буду спать в аппарели, работай сам, ко мне обращайся только в случае крайней необходимости». Что оставалось делать? Не скажешь же, что я не умею или боюсь работать самостоятельно? Начал работать. Мухинский появлялся только при проведении самых ответственных заключительных операций на двигательной установке.

Вскоре я был включён в боевой расчёт для пусков ракет Р-2 с полевой позиции в районе станции Макат (Казахстан).

На этот раз работать приходилось полностью самостоятельно, советоваться было не с кем. Руководил боевым расчётом инженер-подполковник Нахамчик. Это был грамотный, эрудированный командир. Но как человек он мне показался несколько амбициозным, самоуверенным. У меня в работе произошла заминка. Используемый при работе с ракетой сжатый воздух должен иметь влажность, соответствующую определённой точке выпадения росы. Для проверки используется специальный прибор.

При осмотре присланного для работы оборудования я обнаружил, что нам прислали прибор совершенно незнакомой конструкции. Все мои попытки использовать его в работе не удавались. Время уже поджимало. Пришлось доложить Нахамчику. Он пренебрежительно высказался, что молодёжь не умеет работать, что он сейчас сам разберётся и наладит работу. Взял инструкцию, прибор и стал разбираться. Провозился длительное время и был вынужден признать мою правоту. Работы пришлось приостановить. Из Капустина Яра срочно прислали нормальный апробированный прибор. Пуски прошли нормально. Вернувшись из этой командировки, я ощутил себя уже настоящим испытателем.

Темпы проведения работ и их количество всё нарастали. Ещё продолжались работы с различными модификациями Р-2, а уже шла Р-5. А осенью 1956 года появилась первая серийная Р-5М. В декабре 1958 года прошли заключительные испытания Р-12. К тому же эти ракеты имели различные модификации, и испытания шли по разным программам.

Бывали случаи, когда, подготовив и пустив ракету одного типа, приходилось сразу же ехать на другую позицию для работы с ракетой другого типа. Приезжаешь на старт, и требуется определённое время, чтобы перестроить память для работы с этой ракетой. Много приходилось испытывать ракет и от серийных партий, изготовленных заводами. Это проводилось для подтверждения качества изготовленных партий ракет.

Ракеты Р-2 и Р-5М имели в качестве компонентов топлива этиловый спирт (горючее) и жидкий кислород (окислитель). Работа с этими компонентами имела свою специфику. Жидкий кислород при взаимодействии с маслами грозил взрывом. Приходилось тщательно готовить все магистрали и арматуру, соприкасающуюся с жидким кислородом.

При заправке ракеты жидким кислородом приходилось тщательно следить за наличием дренажа из кислородного бака. Чтобы обеспечить на момент старта необходимое количество жидкого кислорода в баке ракеты, надо было ракету подпитывать до последних минут. Да, при работе с жидким кислородом всегда можно было ожидать различных неприятностей.

Однажды, когда я уже руководил подготовкой к пуску ракеты «Вертикаль» (ракета была на базе Р-5М), случился такой казус. При заправке ракеты окислителем по манометру был замечен рост давления в баке окислителя. Проверили наличие дренажа паров окислителя из бака. Визуально дренаж был нормальным. Но манометр ПЩС показывает, что давление в баке растёт.

Даю команду на остановку заправки, давление продолжает расти. Появляется опасность разрыва бака окислителя с катастрофическими последствиями. Даю команду: «Всем покинуть площадку! Двигателям и заправщикам слить окислитель!» Начался слив. Давление продолжает расти. Наконец, слили, стрелка манометра остановилась в положении избыточного давления.

Пока мы обдумываем сложившееся положение, стрелка манометра резко скачет к нулю. Вскрыли ПЩС и осмотрели этот манометр. В манометре оказалась вода. Попала она туда, очевидно, при испытании манометра. Проверяющие, по всей видимости, «сэкономили» при проверке манометра спирт, заменив его частично водой.

Так из-за этой «экономии» был сорван своевременный пуск геофизической ракеты. Дело в том, что при соприкосновении холодных паров окислителя с водой последняя начала замерзать и, расширяясь, стала разворачивать измерительную трубку манометра. Через механизм передачи это вызвало перемещение стрелки манометра, указывая якобы на повышение давления.

Таких казусов при работе с жидким кислородом было много. Однажды отсоединили наполнительное соединение от заправочного клапана ракеты, а клапан неплотно сел на гнездо. Струя жидкого кислорода хлынула на конструкции наземного оборудования. От низкотемпературного воздействия конструкции стали «трещать», возникла угроза их разрушения. Дело спас сержант – оператор ПЩС. Он моментально по кожаной перчатке добрался до клапана, через струю жидкого кислорода ударил деревянной рукояткой молотка по клапану. Клапан сел на гнездо, и течь кислорода прекратилась.

Но жидкий кислород обеспечивал нам в летнее время и некоторый комфорт. Стоило налить в сосуд с водой некоторое количество жидкого кислорода, сразу появлялся лёд. При нашей жаре пить такую воду было очень приятно. Правда, многие из нас из-за этого часто ходили с большим горлом. В целом же компоненты топлива ракет Р-2 и Р-5М были сравнительно безопасными. При работе с жидким кислородом применялись только очки, тёплые рукавицы, фартуки. Когда пришло время других компонентов, защита от них значительно усложнилась.

Испытания первой серийной ракеты Р-5М проходили осенью 1956 года. Ракета была разработана конструкторским бюро С. П. Королёва, а серийное производство было организовано на «Южмаше» в Днепропетровске. Привезли первую серийную ракету, испытали и подготовили к пуску. Дали команду на пуск. Всё проходит нормально. Сработала система ЖЗУ, двигатель вышел на предварительную ступень. Ожидаем, что двигатель сейчас выйдет на главную ступень, и ракета уйдёт в полёт. Но двигатель на главную ступень не вышел и выключился.

Стали разбираться, предполагать разные причины отключения двигателя. Ответа не нашли. Решили повторить пуск. Повторили. Результат тот же. Отвезли ракету на техническую позицию. Провели полный цикл испытаний. Всё в норме. Повторили испытание на старте. Пуска нет. Отвезли ракету на техническую позицию и отстыковали двигатель. Двигатель самолётом отправили на завод для проверки его работы на заводском стенде.

От полигона, для участия в работах по проверке работы двигателя на заводском стенде, полетел я. Стендовые испытания прошли без замечаний. Двигатель возвратили на полигон. Состыковали ракету и снова сделали попытку её запустить. Результат был тот же. Ракету отправили на завод и стали тщательно проверять, чем серийная ракета, изготовления «Южмаша», отличается от опытной ОКБ С. П. Королёва. Нашли, что в системе подачи перекиси водорода на заводе из технических соображений несколько изменили конфигурацию трубопровода.

При этом образовался карман, в котором при заправке перекиси водорода застаивалось несколько кубических сантиметров воздуха. При запуске двигателя этот воздух уменьшал, на первый момент, количество перекиси, попадающей в реактор. В результате затягивался процесс раскрутки турбонасосного агрегата, а, значит, и выход двигателя на главную ступень. Реле давления в камере сгорания, контролирующее время выхода двигателя на режим, и отключало двигатель.

Участвовал я и в работах по пуску ракеты Р-5М с реальной боевой частью с ядерным снаряжением. Это был, по-моему, первый такой пуск в СССР. Меры предосторожности были

приняты чрезвычайные. Каждому под роспись было указано, за какие агрегаты, узлы и даже детали он отвечает.

Мне почему-то было предписано отвечать (кроме подготовки двигателя) за трубопроводы, идущие от баллонов сжатого воздуха к пневмошлангу стартовому, хотя это входило в мои прямые обязанности. Особенно странно, что я должен был отвечать и за доставку аккумуляторных бортовых батарей. Это в нормальных условиях относилось к деятельности совершенно других специалистов. Приказ есть приказ. Пришлось выполнять. Везде на стартовой позиции имелись люди из «органов». Они контролировали перемещения всех людей на позиции. Работа прошла успешно.

В декабре 1958 года прошли государственные испытания ракеты Р-12. Она была разработана ОКБ М. К. Янгеля («Южмаш»). Эта ракета была уже другого класса. Она имела высококипящие компоненты топлива, что позволяло ей находиться уже длительное время в высшей степени готовности. (Ракеты Р-2 и Р-5М в такой готовности могли находиться лишь несколько часов). Имела она и значительно большую дальность стрельбы.

Для этой ракеты появилась возможность разрабатывать реальные графики пуска ракет из разных степеней готовности. Эта ракета просуществовала много лет. С ней мне пришлось работать (при выполнении разных программ испытаний) почти до окончания службы. На этой ракете компоненты топлива были значительно агрессивнее, чем на предшествующих. Особенно был агрессивен окислитель, созданный на базе концентрированной азотной кислоты. Работать приходилось в защитных костюмах, в резиновых сапогах, применять противогаз.

Особенно трудно приходилось в такой одежде работать летом. При одной из первых работ произошёл разрыв заправочного рукава. Впервые мы испытали прелесть оказаться в облаке паров азотной кислоты. При осмотре арматуры двигателя первой ракеты после заправки её окислителем я заметил на трубопроводе капли кислоты.

Работающий вместе представитель завода начал утверждать, что это не кислота. Для доказательства он протёр подозрительное место пальцем и попробовал палец на вкус.

Оказалось, что это кислота. Доложили М. К. Янгелю. Тот, как технический руководитель, первый пуск с незначительной течью окислителя разрешил. Работа прошла успешно. На следующий день все смеялись над распухшей губой представителя завода, так «отважно» полизавшего кислоту.

После принятия на вооружение ракеты Р-12 полигону было поручено провести испытания возможности создания подземных стартовых позиций (шахтных пусковых установок – ШПУ). Создание их было необходимо для повышения живучести ракетных комплексов. Ставилась первоначальная задача о проверке возможности в принципе пуска ракет непосредственно из шахты, не поднимая её перед работой на поверхность. У американцев в первых шахтах ракеты специальным подъёмником выдвигались из шахты и только тогда запускались.

Для этой цели на полигоне был построен комплекс «Маяк». Так как на территории полигона под верхним слоем грунта располагаются «пльвуны», то для строительства углубления в земле потребовалось бы проводить замораживание грунта.

Учитывая то, что на этом этапе предполагалась лишь проверка возможности создания ШПУ, решили отказаться от лишних затрат на замораживание грунта. Для этого необходимая глубина шахты была создана как частичным углублением в грунт, так и насыпкой грунтового кургана. В чём и была сооружена простейшая ШПУ без специального наземного оборудования, которым оснащались в дальнейшем штатные ШПУ. Эта ШПУ представляла собой полый бетонный цилиндр, расположенный в грунтовом кургане, имеющий размеры по высоте и диаметру, соответствующие размерам применяемой ракеты.

«Изюминкой» этого ШПУ был смонтированный в бетонном цилиндре металлический цилиндр. Зазоры (снизу и по бокам) между бетонным и металлическим цилиндрами и между металлическим цилиндром и ракетой должны были обеспечить при пуске как выход ракеты

из шахты, так и истечение газовой струи от двигателя ракеты через зазор между бетонным и металлическим цилиндрами. Этим исключалась необходимость установки дополнительных устройств для отвода газовой струи.

Установка ракеты на пусковое устройство (пусковой стол), расположенное на дне бетонного цилиндра, осуществлялась с помощью самоходного подъёмного крана с большим вылетом стрелы. Все работы проводились по технологии, применяемой при наземных пусках, но при этом некоторой части личного состава («двигателистам») приходилось находиться в шахте, что представляло определённую опасность. Всё это требовало особой тщательности и осторожности при проведении работ.

После установки ракеты на пусковое устройство на старт прибыл начальник полигона генерал В. И. Вознюк. Он только вышел на службу после длительной болезни (инфаркта). Прибыв на комплекс, он решил спуститься в шахту для осмотра оборудования.

Спуск в шахту на этом комплексе осуществлялся по вертикальной лестнице на глубину несколько десятков метров. Даже молодые солдаты и офицеры после нескольких спусков и подъёмов чувствовали определённую усталость. Генерала пробовали отговорить от спуска, но он настоял на своём. На него надели пожарный пояс, прикрепили канат, и он стал спускаться в шахту. Сверху через отверстия в коробе было видно, что спускается он очень медленно, часто отдыхает. Генерал в шахту спустился, осмотрел оборудование и поднялся наверх.

Утром перед работой было построение личного состава боевого расчёта. Перед строем выступил Главнокомандующий ракетных войск Главный маршал артиллерии М. И. Неделин. Он поздравил личный состав с предстоящей работой и заметил, что до него дошли сведения о сомнениях личного состава в надёжности конструкции комплекса. Главный маршал сказал: «Михаил Кузьмич Янгель уверен в надёжности конструкции комплекса, а поэтому работу будем продолжать».

Начались завершающие работы по подготовке ракеты к пуску. И вот пуск. Мы увидели небывалое, величественное зрелище. Из вершины кургана поднялся столб огня и дыма. Из этого огненного столба медленно появилась сначала верхняя часть ракеты, а затем и вся ракета.

Трудно описать искренний восторг людей. Обнимались, поздравляли друг друга. Потом осмотровая группа поднялась на курган и стала осматривать оборудование. На первый взгляд всё было в норме. Вдруг я заметил у ствола шахты незнакомый предмет. Стали его осматривать. Это оказалась одна из деталей ракеты. Затем в стволе шахты увидели, что металлический цилиндр деформирован. Из-за этой деформации и произошло повреждение ракеты. К этому времени пришло сообщение, что ракета, хотя и ушла из поля видимости за горизонт, аварийно упала на землю.

При осмотре оборудования внизу шахты было обнаружено, что пневмооборудование вырвано из мест крепления и к дальнейшей работе не пригодно. Стало ясно, что сомнения личного состава были не совсем напрасными. Начались работы по анализу причин разрушений и по выработке решений для обеспечения дальнейших работ.

Конструкторы провели расчёты и изменили диаметры цилиндров ШПУ. Наши испытатели проверили опытным путём возможность переноса пневмооборудования с пускового устройства в отдельное защищённое помещение. После всех доработок был проведён успешный пуск, и тем самым была дана путёвка в жизнь шахтно-пусковым установкам. Как память об этих работах в степи остались насыпные курганы объекта «Маяк».

Прошло время. На основе опыта создания первой шахты (о чём писалось выше) на полигоне были построены и испытаны первые полномасштабные шахтные установки: комплекс «Двина» и комплекс «Чусовая».

Для них были созданы модернизированные ракеты Р-12У и Р-14У. Комплексы «Двина» и «Чусовая» были довольно сложными сооружениями. Эксплуатация их была нелёгкой. При работе на них снова остро встали вопросы техники безопасности. Пришлось разрабатывать

наиболее оптимальные графики пусков ракет с этих комплексов из различных степеней готовности. К сожалению, освоение этих комплексов не прошло без жертв.

На комплексе «Двина» из-за неправильных действий оператора пульта дистанционного управления заправкой в шахту были выброшены пары окислителя (то есть пары концентрированной азотной кислоты). В шахте в это время находились люди без средств защиты. Часть людей погибла, часть – получила тяжёлые травмы.

В 1959 году началась подготовка к испытаниям новой ракеты ОКБ М. К. Янгеля. Это была ракета Р-14. В 1-м Управлении для этих работ был создан новый отдел. Начальником отдела назначен инженер-подполковник А. А. Курушин. Это был знающий инженер, спокойный выдержанный офицер. Он твердо проводил свою линию и в то же время умел прислушиваться к мнению подчинённых. Я был переведён в этот отдел и назначен старшим офицером (руководителем группы двигателистов).

К этому времени из старого состава двигателистов никого уже не осталось. Пришлось мне готовить к работе новых инженеров. Отдел усиленно готовился к испытаниям. Мы ездили на заводы-изготовители ракеты в целом и её основных составных частей. Там мы изучали конструкцию, знакомились с методиками испытаний. Участвовали в работах по прожигу ракеты в специальном испытательном центре.

В 1960 году начались полигонные испытания. Испытания шли ускоренным темпом. Проводились они фактически в один этап. Он же был и зачётным. Для проведения этих работ на полигоне была построена новая стартовая позиция. Эта ракета была дальнейшим шагом в развитии ракетной техники. Она значительно отличалась по габаритам от Р-12 и значительно превосходила её по дальности стрельбы.

Компоненты топлива были самовоспламеняющимися при соединении. В качестве горючего здесь был применён гептил. Окислителем был наш старый знакомый по Р-12 окислитель на базе азотной кислоты. Из-за гептила на борту ракеты потребовалось кроме сжатого воздуха иметь и сжатый азот.

В эксплуатации ракета была значительно сложнее, чем Р-12. Она требовала ещё более тщательного подхода к вопросам техники безопасности. Гептил является сильнейшим кровяным ядом. По своей токсичности он превосходит некоторые боевые отравляющие вещества. Агрессивность окислителя на базе азотной кислоты была нам известна ещё по ракете Р-12. Все работы с компонентами топлива личный состав проводил только в защитной одежде. Обязательно надо было иметь на рабочих местах два противогаза, один общевойсковой, второй – изолирующий.

Несмотря на все трудности и своеобразие работ с этой ракетой, испытания её у нас на полигоне проходили успешно.

Запомнился первый пуск этой ракеты. Мы, двигателисты, всегда последними перед пуском покидали ракету. Осматривали положение вентиля пневмоцилиндра стартового, закрывали крышку его кожуха и направлялись в укрытие (бункер), из которого и проводилось управление пуском ракеты. Бункер представлял собой подземное укреплённое помещение, где располагалась пусковая аппаратура и где укрывался тот личный состав, который на момент пуска не покидал стартовую позицию.

На поверхности бункера были установлены бетонные надолбы. Предполагалось, что при падении ракеты на бункер ракета будет при соприкосновении с надолбами дробиться и удар по крыше бункера не будет сосредоточенным. Наблюдение из бункера осуществлялось через перископы. Ими пользовались руководители пуска и присутствующие при пуске старшие начальники.

Мы практиковали (хотя это и запрещалось) наблюдать за пуском с близкого расстояния, укрывшись в каком-то местном укрытии. Так и на этот раз. Мы (это два двигателиста) в бункер не спустились, остались на лестнице, ведущей вниз к защитной двери бункера.

Эффект был потрясающий. Сильнейший звук, пламя. Нас закидало кусками бетонного покрытия, вырванного газовой струёй со стартовой площадки при пуске ракеты. К счастью, до нас долетели куски бетона сравнительно малого размера. Когда всё утихло, мы вдруг увидели, что на второй лестнице (такой же, как и наша) прячется начальник полигона генерал В. И. Вознюк.

Он тоже захотел понаблюдать за пуском своими глазами, а не через перископ. Чтобы он нас не заметил, пришлось на некоторое время притаиться. Смотрим, открывается дверь бункера и выходит Главный конструктор ракеты М. К. Янгель. Генерал В. И. Вознюк говорит М. К. Янгелю, что он решил понаблюдать за первым пуском с ближнего расстояния. М. К. Янгель с улыбкой отвечает: «Спасибо, Василий Иванович, за доверие».

Председателем государственной комиссии по испытаниям комплекса был Главкомандующий Главный маршал артиллерии М. И. Неделин. Во время испытаний на старте он обычно прохаживался со свитой по площадке или располагался под навесом рядом со стартом. Если мы работали в защитной одежде, то Неделин и его свита находились в обычной военной форме. Естественно, замечаний никто ему делать не смел.

Как-то у нас был перерыв в испытаниях. В это время на полигоне Байконур проводились параллельно с нашими испытаниями ракеты Р-16, которая имела определённое сходство с нашей ракетой, но была двухступенчатой. Эти испытания начались несколько позднее наших. Председателем там был тоже Главный маршал артиллерии М. И. Неделин.

Однажды ночью меня нарочным срочно вызывают в штаб полигона, предупредив, чтобы я был готов к командировке. Прибегаю в штаб. Там уже были несколько испытателей нашего отдела. Начальник 1-го Управления генерал-майор В. А. Баврин сообщил, что сейчас отправляемся на аэродром для вылета в Днепропетровск. Что случилось? Баврин сообщает, что на Байконуре при подготовке к пуску ракеты Р-16 произошла катастрофа. Много людей погибло, в том числе и Неделин.

Мы должны в ОКБ М. К. Янгеля совместно с конструкторами и заводскими испытателями срочно разработать меры по усилению техники безопасности при продолжении испытаний у нас на полигоне. Прибыли в Днепропетровск, приехали в ОКБ. Там всегда кипела жизнь. Сейчас пустынно. В коридорах людей очень мало. Часть кабинетов, где мы не раз бывали, закрыты. Хозяева их погибли. Особенно трудно было представить, что нет в живых заместителя Главного конструктора Л. Берлина. Мы с ним много работали, всегда находили общий язык. Недавно поздравляли его с получением Ленинской премии.

Начали разрабатывать мероприятия. Они носили как технический, так и организационный характер. Мы пытались, исходя из нашего опыта, предусмотреть всё, вплоть до мелочей. Вернулись в Капустин Яр, испытания ракеты Р-14 были продолжены и успешно завершены. Начальник нашего отдела А. А. Курушин был переведен на Байконур на должность начальника управления. Позднее он стал там начальником полигона.

За свою работу мы получали благодарности, грамоты, премии. А часть испытателей, после завершения цикла испытаний и приёма ракеты на вооружение, награждалась орденами и медалями.

Так, в 1963 году я был награжден своим первым орденом «Красная Звезда». Второй орден «Красная звезда» получил в 1977 году.

При испытаниях приходилось постоянно взаимодействовать с представителями конструкторских бюро и представителями заводских испытательных подразделений. С годами характер этого взаимодействия существенно изменялся. В начале 50-х годов ведущая роль в работе принадлежала заводчанам. Мы вначале работали под их руководством, изучали приёмы их работ на технических и стартовых позициях.

Выступающие в роли технических руководителей главные конструкторы и их представители всегда имели последнее слово в решении всех вопросов. Особенно это было в эпоху

С. П. Королёва и его заместителей (Воскресенского и др.). За полигоном оставалось «вето» в вопросах техники безопасности при проведении работ.

Шло время, полигон постепенно набирал силу, рос авторитет наших испытателей. К нашим замечаниям и предложениям промышленность была вынуждена относиться всё более внимательно.

Правда, если они почти безоговорочно принимали наши замечания, то против конкретных наших предложений часто ожесточённо сопротивлялись. Они объясняли это тем, что не хотели заранее связывать руки заводским работникам при устранении отмеченных недостатков. Рос авторитет полигона и в решении вопросов общей оценки результатов испытаний ракетных комплексов. На полигоне были созданы отделы анализа результатов испытаний.

Они были укомплектованы хорошо подготовленными кадрами специалистов-анализаторов. Полигон имел сильный вычислительный центр. Были разработаны мощные алгоритмы и программы оценки лётных параметров ракет с учетом многих факторов. Теперь на заседаниях комиссий по испытаниям представители Главных конструкторов (а то и сами Главные конструкторы), с большим вниманием слушали доклады руководителей наших отделов анализа по оценке результатов испытаний.

Интересно было наблюдать за жёсткой конкуренцией между конструкторскими бюро. Иногда нам приходилось на серийных ракетах одного конструкторского бюро (КБ), отрабатывать отдельные узлы и приборы другого КБ, которое свои ракетные комплексы ещё лишь разрабатывало.

Представители первого КБ по-дружески просили нас в ходе этих работ не особенно раскрывать вторым принципы и методы испытаний их ракет. В ракетном деле и при социализме шли на жёсткую конкуренцию для получения быстрых и лучших результатов.

И последнее. Надо сказать, что разнообразие работ на полигоне далеко не ограничивалось испытаниями, описанными здесь. Широкий спектр проводимых работ включал также и испытания ракетных комплексов из подводного положения подводных лодок (имитация пуска). Проводились пуски ракет-носителей со спутниками серий «Космос» и «Интеркосмос», исследования космического пространства ракетами «Вертикаль», запуски собак для оценки условий жизнеспособности в космосе, и отработка макета спускаемого аппарата «Союз», и ряд других работ, назначения которых мы тогда не знали. Как оказалось, многие из них нашли применение на ракетной и космической технике на космодроме Байконур.

Значит, 4-й Государственный центральный полигон сделал своё полезное дело.

Ю. П. Толкачёв:

...Неизгладимое впечатление произвела летняя стажировка (в период учебы в академии. Прим. автора) в Кап. Яре. Техническая и стартовая позиции, ракеты – все это, конечно, было очень интересно, но как-то сгладилось, поблекло после многих лет службы на полигоне.

Но жара! Даже после 10 лет службы там и по прошествии стольких лет я не забыл эти ужасные ощущения при моей первой встрече с такой жарой. Температура держалась в районе 43 градусов в тени. Но тени-то нет! Так что это чисто абстрактная категория. А на солнце! Ситуация усугублялась тем, что жили мы в этой раскаленной, как будто добела, степи в палатках. В них летом и в нашем-то (средней полосы России. Прим. автора.) климате жарко, а уж там!

Эта дикая жара действовала на меня даже психологически. Ведь когда мерзнешь – подсознательно всегда понимаешь, что это временно. Вот я сейчас войду в помещение, и там будет тепло, нормально. А здесь – ни секунды передышки. И если мне, например, от жары станет плохо, то никто ничего не сможет сделать, перенести меня в какую-то прохладу просто невозможно (о бытовых кондиционерах тогда никто и не слыхивал).

Помню ощущение жуткого разочарования, когда нас однажды повели купаться. Мы шли по этой адской жаре, и я предвкушал, что вот сейчас войду в воду и наступит блаженная прохлада, я хоть несколько минут отдохну от этой адовой пытки. Но привели нас на речку Подстепку, видимо, потому, что она близко, а до Ахтубы километра четыре. Мы с лихорадочной быстротой разделись и бросились в речку, предвкушая блаженство. А вода горячая! В этой Подстепке, когда мы потом служили в Кап. Яре, никогда никто не купался – маленькая мелководная речонка. А в Ахтубе, конечно, даже в жару купаться приятно, вода не перегревается.

Не удивительно, что, очутившись в этом пекле, многие из нас болели. Постоянно хотелось пить, но питье не приносило облегчения, казалось, что все выпитое тут же выступает потом на гимнастерке. А пить хотелось еще больше. Вода противно теплая и далеко не стерильная. Естественно, нас здорово косила свирепствующая в тех благословенных местах дизентерия.

...Купание детей в городке во время нашей службы было непростой проблемой. Во-первых, нужна вода, а она бывает только ночью, днем вся уходит на полив деревьев. Но на это грех жаловаться, потому что деревья хоть немного скрашивают нашу жизнь в раскаленной степи.

К тому же это в основном белые акации и когда они весной цветут, и еще нет сильной жары – городок вообще райское место. За ночь наполняется водой дровяная колонка в ванной. Теперь воду надо вскипятить. Задача тоже непростая. На чем вскипятить пару ведер воды?

Вершиной нагревательной техники за время моей службы там был керогаз, и тот появился не сразу, а где-то году в пятьдесят девятом – шестидесятом. Поэтому процесс «вскипячения» долгий. Но летом еще более долгий процесс – остудить потом воду до нужной для купания ребенка температуры. До требуемых по науке тридцати шести градусов, конечно, не охладить – какие тридцать шесть, когда температура воздуха выше, но до какой-то приемлемой величины можно, если, конечно, начать этот процесс с самого утра.

И еще – природа как будто испытывала нас. За 10 лет моей жизни в Кап. Яре не было более жаркого лета, чем в 1953 и в 1954 годах, наших первых годах на полигоне. В 1954 году несколько человек умерло от тепловых ударов. Чаще всего это были солдаты, которые стояли на постах на улице. Но не только.

Например, незадолго до нашего прибытия умер от теплового удара начальник лаборатории, в которую я был назначен после академии, полковник. Потом, когда мы как-то все же адаптировались, мне переносить жару стало легче, да и жили мы в городке, в каменных домах, там все же полегче. Но уже и жары такой сумасшедшей не было. Конечно, жарко было всегда.

Нередко переваливало и за 40. Но чтобы так все лето без передышки – такого не было. Может быть, повлияло то, что построили Волгоградскую ГЭС с большим водохранилищем?

Впрочем, жара всегда была для меня главным бичом службы в Кап. Яре. На службу мы обычно ходили в полевой форме, которая к тому времени, к нашему несчастью, хотя и сохранила в быту историческое название «х/б», на самом деле стала шерстяной. И вот, нетрудно себе представить, – в такую-то жару в шерстяной гимнастерке с глухим стоячим воротником, в бриджах, в сапогах, в фуражке. Да еще это наше «х/б» было из такой грубой шерсти, которая, тут же пропитавшись потом, страшно царапала и раздражала кожу. Поэтому я под нее еще вынужден был поддевать футболку. А КУНГи спецмашин, где мы часто работали, накалялись не только от солнца, при постоянно безоблачном капьярском небе, но и еще от мощной радиоаппаратуры, размещенной там. Обычно градусники на стене показывали 70 градусов, несмотря на настежь открытую дверь.

Но и повседневная форма была ненамного лучше – толстый шерстяной глухой закрытый китель со стоячим воротником. Поэтому, когда несколько лет спустя ввели новую повседневную форму, это было счастьем. Открытый китель, под ним рубашка с галстуком. Да еще стало можно ходить без кителя, в одной рубашке, получившей народное название «разгильдяйка».

После этой стажировки Кап. Яр стал для нас изрядным пугалом. Правда, я как-то не думал, что туда попаду, не знаю уж почему.

... В городе все офицеры обращают на нас внимание. Диковинка. Лейтенанты со значками академии. В академии ведь в основном учились офицеры после училищ и войсковой службы. И заканчивали ее уже в приличных званиях, обычно это были старшие офицеры. И даже то незначительное количество выпускников, которые поступали в академию, не имея офицерского звания, при существовавшем порядке и сроках выслуги выпускались, как правило, капитанами. А тут вдруг лейтенанты!

При случае заговаривают с нами, расспрашивают. И возникает щекотливая ситуация. Погоны-то у нас артиллерийские, вот нас нередко и спрашивают, в каком виде артиллерии мы служим. Да еще что-нибудь про орудия. Кошмар! У меня ведь об этом очень туманные представления. А сказать, что я ракетчик – нельзя. Режим. Приходится бормотать что-то невразумительное.

Письма наши на полигоне, выражаясь интеллигентно, перлюстрировались. Нельзя было писать ничего, что содержало бы хотя бы намек на то, что я военный.

Любопытный случай произошёл с упомянутым мной в начале этих записей Валерием Суходольским. Он был талантливейшим фотохудожником, любителем в ту пору, впоследствии же он стал фотокорреспондентом «Красной Звезды». Человек достаточно активный, выезжая в отпуск, он предлагал свои работы многим редакциям газет и журналов. И многие журналы и газеты публиковали их.

Чтобы не нарушать режим секретности, адрес он указывал не свой, а своей матери, которая жила в маленьком городке Сретенье, около Ярославля. А уж она ему пересылала корреспонденцию. Очень известный тогда в мире фотографии журнал «Чешское фото» где-то увидел его работы и попросил прислать им что-нибудь. Валерий послал (конечно, как всегда, через Сретенье).

Работы опубликовали. Потом еще пару раз. И вдруг Валерий получил письмо из американского журнала «Модерн фотографии» (опять-таки через Сретенье) о том, что им очень понравились его снимки в «Чешском фото», и они тоже просят его прислать им что-нибудь из его работ. Он послал одну фотографию тем же путем. Она была опубликована, и редакция попросила прислать еще.

И тут же Валеру вызвали особисты. Его вызывали много раз. Ему как бы и не предъявляли определенных обвинений, но много раз допрашивали (если не лицемерить, то именно так это

можно назвать), многократно задавая одни и те же вопросы в разных сочетаниях и, видимо, надеясь, что если он врет, то где-то запутается. А Валера тем временем думал – что же делать с тем, что его просили прислать еще фото. Посылать в этой ситуации вроде бы нельзя, но если он промолчит, там могут подумать, что он не получил их письмо и повторят запрос. А это сразу резко обострит подозрения особистов. В конце концов, он попросил мать отправить какую-то весьма посредственную фотографию, и американцы от него отцепились...

13 мая была традиционная встреча ветеранов полигона Кап. Яр в сквере у Большого театра. Я, по правде говоря, не знаю, кто придумал эти встречи, выбрал место, как сообщил всем об этом. Но эти встречи происходят уже много лет, мне кажется, что больше десяти (написано в 2002 году. Прим. автора). Поначалу на них было очень интересно. В сквере у Большого театра собиралась огромная толпа. Там были и «первопроходцы» Кап. Яра, люди, которые создавали полигон, проводили первые пуски, были люди старше нас, было много из спецнабора, ну, и поколения после нас.

Было очень интересно встретиться и с трудом узнавать людей, с которыми столько всего связано и которых много лет не видел. Москвичи с недоумением смотрели на возбужденную толпу, запрудившую сквер, и не понимали, почему здесь собрались эти люди. После одной из первых встреч я написал шуточные стихи и уверял всех, что вот, мол, проходил тут Андрей Вознесенский, тоже удивлялся, почему это здесь собрались люди, и когда узнал, то написал такое стихотворение:

*День победы отгремел салютом,
Отзвенел военными медалями,
Но сегодня снова почему-то
Ветеранов встречу увидали мы.
У Большого, на аллеях сквера,
Где цветами яблони увенчаны,
Обнимаются седые офицеры,
И то плачут, то смеются женщины.
Люди здесь особенной породы,
Не грозит их дружбе увядание.
К ним сюда, презрев закон природы,
Молодость пришла их на свидание.
И звенит весна над стариканами,
И пылают щёки кумачово,
И зашевелились тараканами
Рифмы в голове у Толкачёва.*

К сожалению, теперь на эти встречи приходит все меньше и меньше народу. В этом году (в 2005 – прим. автора.) собралось вообще всего человек тридцать-сорок. Не знаю уж, почему. Может быть, пропал эффект новизны от этих встреч. Посмотрели друг на друга – а дальше что? Общих тем для разговоров мало. Нельзя же без конца вести разговоры на тему «а помнишь...» Где-то у Юрия Тынянова я прочёл: «Расспросы и рассказы имеют смысл только когда люди не видятся день или неделю, а когда они вообще видятся неопределённо и помалу – всякие расспросы бессмысленны». Похоже, что это верно подмечено.

А может быть, причина еще в том, что старшее поколение, воспитанное в более романтических традициях, сильно состарилось, многих уже нет, другие тяжело больны и им не до встреч. А молодые поколения более прагматичны, лишены этой романтики воспоминаний,

заняты делами и считают все это ненужной чепухой, или, во всяком случае, чем-то очень второстепенным, на что не находится времени.

Кроме того, в это время горячая пора на садовых участках, которыми обзавелось большинство из нас. Словом, не знаю, в чем причины. Возможно, все, что я упомянул, вносит свой вклад и что-нибудь еще, но факт остается фактом. Появившаяся не так уж и давно традиция потихоньку умирает. А жаль!

...Когда начиналась наша служба на полигоне, пуски ракет были еще не очень частыми, были значительные перерывы между этапами испытаний. И когда начинался очередной этап, то «открывался заказ». Специальным приказом отдавались люди, которые работают по этому заказу, и им на период работы по заказу устанавливалась 50 процентная надбавка к окладу.

Но при этом (уж не знаю, установлено ли это было официально свыше, или это была инициатива нашего «любимого» подполковника Юртайкина) полагалось находиться на площадке постоянно, днём и ночью, то есть жить там. Для этого на второй площадке стояли вагоны, и каждому отводилось место в купе для ночлега.

Легко понять, как это «радовало» нас, молодых, только что женившихся офицеров. Мы с Эдиком Стеблиным, с которым работали параллельно до конца его службы на полигоне, протестовали против этой дурацкой установки, тем более, что в основном делать-то ночью на площадке было нечего.

Даже при открытом «заказе» подготовка и пуски ракет были относительно редкими. Когда мы спрашивали – зачем мы зря круглосуточно здесь торчим, Юртайкин говорил: «Изучайте техническую документацию». Хотя изучать-то было нечего. В сотый раз перечитывать тощие технические формуляры на аппаратуру? Вообще, когда мы доказывали, что незачем жить тут в вагонах, Юртайкин искренне недоумевал: «А что вам дома делать?».

Когда мы со Стеблиным изрядно надоели Юртайкину своими постоянными притязаниями жить не на площадке, а дома, он выложил аргумент, который, видимо, казался ему неотразимым.

Он сказал, что если мы хотим жить дома, то он исключит нас из приказа на работы «по заказу» и мы не будем получать надбавку к зарплате. И был поражен, когда мы охотно на это согласились.

Надо сказать, что в дальнейшем вопрос с этой надбавкой был упрощен. Её снизили до 10 процентов (а может быть, 15-ти? Сейчас уже не помню). И стали выплачивать постоянно – ведь пуски стали постоянными. Не платили только за то время, когда офицер уезжал с полигона в отпуск или в командировку. Наверное, поэтому эти деньги и у нас в Кап. Яре и в Тюра-Таме стали называть «пыльными».

...12 апреля 1961 года стартом Гагарина открылась эра полетов человека в космос. Первые космонавты были летчиками. Это понятно – именно летчики физически, да и психологически были наиболее подготовлены для такой работы. Правда, когда ТАСС торжественно заявлял: «Корабль пилотирует гражданин Советского Союза...», мне это казалось изрядным преувеличением.

«Пилотировать» там, по-моему, не было необходимости, все делалось автоматически. До Гагарина точно так же «пилотировали» две прославившиеся собачки – Белка и Стрелка. Определенные работы, которые можно отнести к категории «пилотирование», появились у космонавтов позже.

...В то же время сложная техника, которая, естественно, в любой момент может «взбрыкнуть», требовала наличия на борту инженера, хорошо знающего эту технику и способного в экстремальной ситуации сделать все возможное для исправления положения. Видимо, поэтому

было принято решение в отряд космонавтов набрать инженеров. А инженеры-испытатели полигона – вполне подходящий контингент для этой цели.

Во-первых, это офицеры (а тогда летали только офицеры, вероятно потому, что рисковать своей жизнью входит в их профессиональные обязанности), во-вторых, они хорошо знают аналогичную технику и привыкли к ракетам и, наконец, в – третьих, многим из них приходилось действовать в «нештатных» ситуациях.

В результате на нашем полигоне был объявлен набор в отряд космонавтов. А я в это время находился в отпуске и ничего не знал об этом. Как же я жалел об этой упущенной возможности, когда вернулся на полигон!

Я и сейчас думаю, что у меня были бы очень неплохие шансы попасть в отряд. Я был здоров, ни одна медкомиссия не находила у меня никаких изъянов. У меня прекрасный, многократно проверенный вестибулярный аппарат и никогда не было никаких проблем с укачиванием, морской болезнью или чем-нибудь подобным.

Я много занимался спортом, в том числе спортивной гимнастикой в институте, поэтому был неплохо физически подготовлен и хорошо ориентировался в пространстве при любых переворотах. Кроме того, я – радиоэлектронщик. Не последняя по необходимости специальность на борту. А на полигоне их не так уж много.

На полигоне записалось в кандидаты человек 25-30. Гарнизонная военно-врачебная комиссия их забраковала. Всех! Но, тем не менее, всех их вызвали в Москву, и там их заново обследовала комиссия. Московские медики объяснили действия гарнизонной так. Мол, ваши врачи боялись, что они пропустят что-нибудь, а в Москве это обнаружится и их упрекнут в низкой квалификации. А так – вот мы какие бдительные. Ну, если и «перебдели» чуть – это не страшно. Значит, проявили более высокую требовательность.

Московская комиссия из всех кандидатов отобрала двоих – Леню Королева и Виталия Жолобова.

Я потом Леню спрашивал:

– Слушай, как же так, когда мы в прошлом году проходили диспансеризацию, всем написали «здоров», а тебе «нуждается в санаторно-курортном лечении». А тут всех забраковали, а ты здоров.

А Леня ответил:

– Да очень просто. Жалуешься – напишут санаторно-курортное, не жалуешься – здоров.

Виталий Жолобов был из «бакинцев». Кроме нашего спецнабора 1953 года (тоже, кстати, состоявшего из двух частей – мартовского и августовского) позже на полигон не раз прибывали группы офицеров-студентов. Только их уже не доучивали в академии, а просто по окончании института призывали как офицеров запаса.

Многие из них, может быть, даже сильнее, чем мы, тосковали по родным местам и по «гражданке». Однажды даже кто-то из начальства попросил меня, уже «старого полигонного волка», поговорить с такими молодыми офицерами-студентами, успокоить и вдохновить их на нашем примере.

Виталий прибыл с такой группой выпускников бакинских институтов. Эти ребята выделялись из остальных тем, что хотя и были русскими, внешне были очень похожи на азербайджанцев. Такие же чернявые, все с усиками. Влияние среды? Он был в нашем управлении. Увлекался спортом, в частности, легкой атлетикой. Я тоже. И мы нередко были соперниками на соревнованиях. Особенно упорно, помнится, конкурировали в прыжках в длину.

Вот Леню и Виталия комиссия и отобрала из всех кандидатов. Однако в это время не работала центрифуга, испытания на которой тоже должны были пройти будущие космонавты. Поэтому Лене и Виталию сказали, чтобы они через месяц снова приехали в Москву.

Виталий поехал, а Леня неожиданно отказался. Объяснял он нам это тем, что у него начинался отпуск, и была путевка. Мне это казалось странным – судьба решается, а тут какая-то путевка! Не знаю, может быть, он просто передумал.

Потом Виталий долго был в отряде космонавтов (целых тринадцать лет!), но не летал. За это время он успел закончить Военно-политическую академию. Говорили, что там, в отряде, идет жесточайшая конкуренция, борьба за право полететь в космос, так как не летавшие космонавты жили примерно так же, как обычные офицеры, а летавшие – о, это была уже совсем другая категория. Всесоюзная слава, награды (Герой Советского Союза), поездки по стране и за рубеж, всяческие блага.

Но, наконец, в июле 1976 года он полетел. Причем это был первый действительно длительный полет. Правда, не год, как потом летали, а всего 49 дней. Но тогда это было большим рывком вперед. Многие еще было не отработано, еще не знали, что надо делать, чтобы легче переносить условия длительной невесомости, так что Виталию пришлось нелегко. Потом, конечно, он получил свою порцию славы и наград, однако вскоре ушел (говорят, что его «ушли») из отряда космонавтов.

...Было множество бытовых трудностей. Например, несмотря на то, что Кап. Яр снабжался значительно лучше большинства советских городов (не говоря уже о посёлках), у нас были проблемы с самыми элементарными вещами и продуктами, вплоть до белого хлеба (при Хрущёве).

Длиннющие очереди, когда что-то вдруг появилось в магазине – обычное дело. Но так жила вся страна, мы ещё получше других. Помню, как однажды наша соседка Нина Есенкова, отстояв два часа в очереди, принесла домой муку и побежала стоять за сахаром. А когда вернулась, счастливая, с сахаром, её двухгодовалые мальчишки, близнецы Витя и Володя, белые, как мельники, веселились в комнате, засыпанной мукой.

...Но все бытовые трудности как-то нас не очень трогали. Мы, собственно, и не видели лучшего. Ещё свежа в памяти была война с её настоящим голодом. Да и до войны, и после неё нас не баловали изобилием. ... К тому же всё скрашивала наша молодость. Никогда потом я не жил в таком тесном общении с множеством прекрасных друзей.

Было вполне естественным, гуляя по городку, зайти к кому-нибудь из друзей без каких-либо предварительных договорённостей. И встречи эти не сводились к застолью – нам было интересно и весело вместе. Потом, живя в Москве, я часто недоумевал – куда это всё исчезло?..

Почему-то встречи стали очень редкими, немыслимыми без предварительных согласований, телефонных звонков. Что это? Возраст? Или синдром большого города? Не знаю, но без такого дружеского общения наша жизнь в Кап. Яре была бы несоизмеримо хуже...

В. Т. Мальков:

В июле 1954 года поезд везёт меня на станцию Капустин Яр («Разъезда 85 км» тогда ещё не было). Фургон на шасси грузовика с трудом вместил приезжих и через село привёз на площадь у Дома офицеров, которую пересекает узкая однорядная бетонка мимо памятника Сталину. Площадь ещё не заасфальтирована, а солидное здание штаба достраивается.

Поселили в приспособленном под общежитие двухэтажном доме, в одной комнате по четыре человека, есть балкон, кухня, ванная с дровяной колонкой.

Столовая в деревянном бараке, напротив теперешнего ресторана, великое множество мух, на стёклах плакаты: «Дизентерия – болезнь грязных рук!». В буфете арбузы, вобла. Мягко говоря, не очень уютно. Буквально через несколько дней открывается столовая (сначала № 6, потом «Родная хата»). Столики чистые, светло, молодые официантки... Настроение заметно повышается.

Первые несколько дней нас не трогают, обживаемся, осматриваем небольшой город: западная граница – улица Мира. Иногда ходили на сельский рынок, заваленный овощами, фруктами, рыбой. В уголке рынка деревянный сарайчик с вывеской «Кизлярский сухой виноградный вино». Хозяин с кавказской внешностью зазывает попробовать. Не всегда мы отказывались.

Наконец нас увозят мотовозом на уже знакомую нам вторую площадку. Мотовоз – два дачных вагона, а локомотив – небольшая четырёхколёсная автодрезина. Позднее появился ещё один товарный вагон с чугунной печкой посередине и садовыми скамейками по стенам. Ещё позднее мотовоз превратился в поезд на тепловозной тяге, и маршрут его продлился до площадки 4Н. А название «мотовоз» сохранилось до сих пор, и даже было заимствовано полигоном Байконур.

А. Г. Гринь:

В парке Дома офицеров были приличные волейбольные площадки. Там соревновались команды войсковых частей гарнизона, а в свободное время их занимали «дикари», самособранные команды. Однажды в такой команде, отвлекшись, я получил сильный удар мяча в голову. Повернувшись к сетке, увидел высокую плотную фигуру «забойщика» с большой челюстью и гладкой, круглой головой (это был первый удар по мне Юрия Пичугина, тогда старшего офицера из Второго управления).

Второй удар от него, ставшего уже начальником Главного управления ракетного вооружения, был приказ на мое увольнение из армии).

Через три года купил велосипед, затем пристроил к нему бензиновый моторчик, и с компаньоном стал осваивать окрестности. Наши моторчики вывозили сначала нас в Пологое Займище, что недалеко от площадки № 2, то есть нашей технической позиции. Потом мы объездили многочисленные озёра, протоки, ручьи.

Одно время нашими соседями по коммунальной квартире оказалась семья Лушпия, которого перевели из Молдавии. Коля Лушпий был чемпионом по бегу на длинные дистанции то ли в республике, то ли в военном округе. Он оказался заядлым рыбаком. На Ахтубу, а это километра 4-5, ходил пешком.

Но однажды он попросил меня отвезти его на рыбалку на мотоцикле, который к тому времени у меня был. На этом мотоцикле с люлькой я катал своё семейство, с женой и детьми, в степь за тюльпанами, на природу в то же Займище. Привёз я Колю на Ахтубу, к водокачке. Он занялся рыбалкой, а я улёгся на траву.

Ловил Коля рыбу на закидушки, а к сторожку привязывал колокольчик. Только закинул закидушку, как зазвенел звоночек, он сразу вытянул судака. Потом зазвенело сразу два колокольчика, и он попросил помочь, вытащить леску. Я подошёл, взял леску в руку и ощутил, что она пошла в сторону. Коля кричит: «Подсекай! Дёрни!» Я дёрнул, а мой учитель даёт новую команду, понимая мою неопытность: «Вытаскивай!» Я так и сделал, потянул леску на себя, вывел рыбу! Судак!

И с этого момента заболел рыбалкой. Первым делом оснастил себя всем, что положено настоящему рыбаку. Ни одного выходного или праздничного дня я не обходился без рыбалки!

Ездил на рыбалку и зимой, и летом, и весной, и осенью. Зимой ночевали в стогах сена, которых было много вблизи Ахтубы и Волги. Летом «квартировали» в палатке, которую я склеил сам, благо на ракетном комплексе имелась отличная резина, был соответствующий клей и лента для склеивания швов.

Ещё с вечера мы спешили, как одержимые, на речку, чтобы успеть надергать на удочку окуньков, краснопёрки, и другой мелкоты. На зорьке добывали щуку, они водились косяками в протоках. А на самой Ахтубе на закидные дергали судаков. Такой ассортимент рыб давал отменную уху, а судаков обычно жарили на сковородке. Доводилось и осетров несколько поймать.

Всей семьёй мы часто выезжали на речку, устраивали нечто вроде пикника. В таких случаях нередко время проводили вместе с другой семьёй, тогда я делал два рейса туда и два рейса обратно. Рыбалки в таком случае почти не было, но мы играли в волейбол, купались, конечно, не обходилось без скромной чарки и тостов во здравие присутствующих.

Счастливым было время, нас не тяготили тяжёлые думы о будущем, мы верили, что трудности хотя и будут, но они преодолимы.

А разве можно забыть о базаре в селе Кап. Яр? Экзотика! Арбузы, дыни, помидоры, рыба, вобла...

Нередко на нашем столе красовалась хотя и самодельная, но настоящая паюсная, чёрная икра осетровых рыб. Этот деликатес местные жители разносили в пол-литровых стеклянных банках по квартирам военного городка.

Весенней отрадой для глаз, особенно наших детишек, были тюльпаны, которые мы срывали вблизи площадок и доставляли домой охапками. А если выезжали на мотоциклах, то полные коляски везли: и тюльпанов, и рыбы – раздавали и соседям, и просто знакомым.

Незабываемы арбузы и помидоры. Арбузы из Баскунчака, именные, с вырезанными инициалами хозяев на коре, выращенные на солончаковой, особой почве, были удивительны! Невозможно передать вкус, сахаристость, запах. Весом 12-15 килограммов. А стоимость – 10 копеек за килограмм. Мы (на мотоцикле) покупали по 5-10 таких плодов, закатывали под кровать и ели, ели... Может поэтому, несмотря на мутную, микробную воду – наши почки сохранились. И, вообще, Господь предусмотрел: яд и противоядие рядом. Надо только уметь искать...

А помидоры? Лучших я не ел больше никогда. Разломишь – сахар. Не то, что теперешние, рыночные. Но убирать помидоры не успевали, сотни тонн их погибали на корню. Безобразие! А душистые дыни «колхозница» (родом из Камышина)! И все это на фоне невозмутимых верблюдов и трогательных ишачков...

Убеждён, что не будь в Кап. Яре рыбалки, качество и сроки отработки ракетной техники были бы значительно хуже.

В нашем гарнизоне система взаимоотношений также просматривалась: начальник полигона Василий Иванович Вознюк лично знал, помнил массу офицеров, постоянно вёл приём населения, его супруга Марта Яковлевна и женсовет корректировали неблагоприятные семейные отношения.

Моя супруга Галина Спиридоновна оставила преподавание иностранного языка в Харьковском политехническом институте и выехала в Кап. Яр. Я был в командировке, её встречал мой друг-одноклассник.

Ребята в общежитии, с которыми я жил, освободили нашу общую комнату. Мне и Гале отдельную комнату дали сразу, а когда родился второй сын, добавили и новую. И это при том, что в селе, на частной жилплощади, в домах и мазанках, еще проживали офицеры.

...Городок наш был «коммунальный», в нём вместе с нами жили и собратья: семьи и офицеры полигона Противовоздушной обороны, которым долгое время командовал генерал Яровой. Жены, дети, бабушки и дедушки с территории городка постоянно наблюдали рукотворные небесные явления: змейки инверсий (от работы двигателей ракет), облачка и «щупальца» из них (от попаданий ракет ПВО в самолеты-мишени и падающих обломков этих самолетов). Однажды пришлось наблюдать (хотя это и запрещалось) ядерное «солнце» – подрыв в небе ядерного заряда для поражения самолётов в воздухе.

Вместе жили, дружили, работали, ловили рыбу, по весне собирали охапки тюльпанов.

А Родина наливалась силой!

...По двое-трое суток приходилось готовить ракету к пуску. Это же не пуск ракеты по боевой подготовке, технология которой уже отлажена, а изделие отработано в серийном изготовлении. Мы-то имели дело с опытными, испытательными ракетами, на которых отказы сыпались как горох, недаром их прозвали «бобами».

Не всегда под рукой был прибор, агрегат, комплектующее изделие для замены вышедших из строя, тогда приходилось ехать за ними на далёкую техническую позицию или ожидать их оттуда, а иногда и с завода-изготовителя. Никуда не денешься, приходилось ждать, не отлучаясь со старта или из казармы ближайшей жилой зоны в течение 5-7 дней.

Только спустя 2-3 года на площадке № 4, в её жилой зоне, построили-таки гостиницу, где мы жили по 6-8 человек в комнате.

Каждую ракету мы буквально вынуживали, выносили на руках и нервах. От её поведения зависело, когда мы сможем вернуться домой (а дом за 100 км от старта!) к детям, к жёнам. *(В этом месте ветеран расстояние увеличил раза в два, что вполне простительно, ведь столько лет прошло! – прим. автора)*. Её, ракету, осматривали (а если обнаруживали царапинку, оценивали её глубину, особо в баках), измеряли её органы-приборы, их связи автономно и в составе комплекса; проверяли с записью на плёнку телеметрии и без записи, выслушивали, копались в её чреве, подчас потроша что-то внутри.

Укладывали, перекладывали, поднимали, ставили, наполняли и, наконец, она, оживая, обдавая нас огненным хвостом, уносила навстречу своей гибели... освобождая нас.

Между собой мы называли её «дурой» (видимо, потому, что она долго мучила нас молча, а ещё потому, что вызывающе торчала на старте, на фоне бескрайней степи и такого же бездонного неба).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.